

Некоторые вопросы о характере политического уклада в ранней Византии (IV - VI вв.)

On the nature of the political structure in early Byzantium (IV-VI centuries)

Попрядухина И.В.

Канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Тольяттинского государственного университета

e-mail: deekei@list.ru

Popryadukhina I.V.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Togliatti State University

e-mail deekei@list.ru

Аннотация

В статье на основании имеющихся суждений различных политиков, историков и правоведов проводится выяснение наиболее вероятного направления вектора развития политической власти ранней Византии. Приводятся доводы о допустимости целесообразности применения термина «цезарепапизм» как специфической особенности раннего Византийского государства. Анализируются примеры, демонстрирующие характер и степень проникновения церковной власти в управление делами государственными. Проводятся рассуждения о действительном чрезмерном разрастании бюрократического аппарата. После проведенного исследования делается вывод о том, что Византийское государство можно отнести к типичным европейским государствам периода IV - VI вв. с небольшим перекосом в сторону деспотии.

Ключевые слова: Византия, власть, государство, Римская империя, преемство, цезарепапизм, церковь, религия, деспотия.

Abstract

In the article, on the basis of the available judgments of various politicians, historians and legal scholars, the most likely direction of the development vector of political power in early Byzantium is clarified. Arguments are given about the permissibility of the use of the term "Caesarepapism" as a specific feature of the early Byzantine state. Examples are analysed that demonstrate the nature and degree of penetration of church power into the management of state affairs. Discussions are being held about the actual excessive growth of the bureaucratic apparatus. After a study, it is concluded that the Byzantine state can be attributed to typical European states of the period IV-VI centuries with a slight skew towards despotism.

Keywords: Byzantium, power, state, Roman Empire, succession, Caesarepapism, church, religion, despotism.

В общемировой истории жидутся два поля зрения о том, как будет более функционально и правильно рассматривать чуть более тысячелетнее существование государства, чье имя общеизвестно как Византия. Конечно же, не вызывает сомнения тот факт, что Византия образовалась как государство «без прошлого», трансформируясь из Восточной части Рима. Оговоримся, что Византию исторически правильнее называть Восточной Римской империей, а уж Византией ее окрестили историки и писатели сразу же после перенесения в город Византий (позднее

именуемый Константинополем), столицу Восточной Римской империи. Именно данные характеристики нужны нам для дальнейшего исследования политического уклада власти в Раннем Византийском государстве, последующего анализа и выводов о том, правильнее ли будет говорить о расцвете или же о постепенном упадке величия Византийского государства [1].

Поскольку Византия является правопреемником Рима, который, в свою очередь, прославлен и самой историей, и многими историками-государствоведами, политологами и юристами как самое сильное и всесторонне развитое государство мира, закономерно будет ожидать и дальнейшего процветания последователя данного государства в новом ключе – Византии.

Рассуждая о причинах «неблагополучного» вектора развития Византийского государства, историки-гуманисты в качестве одной из причин указывают на как раз-таки ту же централизованную монархию, которую они считали «слабым звеном» в развитии общей государственности [12]. Однако по данному вопросу есть и противоположная точка зрения. Например, немецкий гуманист И. Куспиниан [1], наоборот, расценивал централизацию Римского и, позднее, Византийского государства как наиболее выгодную форму правления, ставя в противовес негативный пример раздробленных земель Германии.

В XVIII в. французскими просветителями вводится еще один интересный термин, который отражает характер, степень и глубину взаимоотношения церкви и государства в Византии – «цезарепапизм» [6]. Давая краткую характеристику содержания данного симбиоза государства и церкви, можно сделать вывод, что при таком положении дел вопросы государственности и духовенства были полностью заключены в руках императора. Как следствие, вопросы церкви, религии и веры возводились в ранг государственной важности [10]. Это означало, что, с одной стороны, государство защищало и опекало церковь, поощряло ее каноны, «защищала» инокомыслящих и следило за «чистотой веры и религии» в общем, а с другой – что император имел право по своему усмотрению утверждать церковные и религиозные правила, назначать и смещать священников. В благодарность за подобную непоколебимую протекцию церковь идейно поддерживала императорский вектор развития политики и правления в целом. Французский философ и политический деятель Ж. Кондорсэ [1], изучавший взаимодействие политики и религии в Византийском государстве, сделал умозаключение о том, что именно борьба, которая имела место между светской и духовной властью в Византии, привела к особому их симбиозу, который резко противоречил характерной картине политической власти Запада. Все же следует уточнить, что церковь имела не равное, а подчиненное монарху положение, а государственная власть имела право вмешиваться во все сферы человеческого мировосприятия, оказывать на него давление и формировать необходимым для политических нужд образом, одновременно осуществляя контроль над ними.

С конца XVIII в., благодаря работе Э. Гиббона [16], в обществе твердо закрепилась точка зрения о несостоятельности модели Византийского государства в целом. Благодаря тщательно проработанной и скрупулезно собранной базе уязвимых и слабых мест Византийской империи, Э. Гиббон сконцентрировал большой объем негативных доказательств и сделал вывод о том, что вся византийская история – это не более, чем «сплошной упадок и регресс» [16]. В качестве основополагающих причин подобного вектора развития Э. Гиббон указывал «чрезмерно плохие законы и упадок нравов» [16]. Его труд имел большую популярность и был переведен на огромное количество языков, а его умозаключения не вызывали сомнений у историков и правоведов благодаря большой базе примеров, приведенных в своих рассуждениях. С этого времени в общественности прочно закрепилась концепция неизбежного упадка и регрессивного развития Византии.

Продолжая подобный негативный ход мыслей, в XIX в. историк-публицист Я. Фаллмерайер [5] сделал вывод о том, что истинными наследниками и продолжателями Римской империи имеют право называться только народы Западной Европы (ныне население стран Германии, Англии и Франции), в то время как народы Восточной Европы представляли собой позднеантичное недоразвитое государство, которое быстро пришло в упадок.

Дальнейший виток в исследовании историографических данных относительно положения Византийского государства пришелся на время окончания событий Второй мировой войны. В указанный период велось огромное количество археологических раскопок на фоне строительства новых зданий и разбора завалов после обстрелов. Полученный эпиграфический материал позволил обогатить аргументы относительно характера и вектора развития политической власти Византийского государства как в положительную, так и в негативную стороны. Приобретенные знания позволили продолжить изучения относительно функций властных органов, формы правления, государственного устройства, политического режима в Византии совершенно в новом ключе их видения.

Советские ученые проводили исследования, преимущественно, общим методом, обобщая исторические факты и сводя их к рассмотрению общего социально-экономического развития общества. Анализировались общепризнанные данные о том, что раннее Византийское государство на рубеже IV-VI вв. носило позднеантичный характер [21], а, соответственно, субъектом и объектом властных отношений выступали класс рабовладельцев и рабов, чья бесконечная борьба являлась движущей силой для развития общества, определяя методы правления и формы государственного устройства. Стоит сделать акцент на таком феномене: общее правовое развитие государства фактически вело к правовому сближению данных двух классов за счет определения более жестких правовых рамок первым и выделения большего набора прав для вторых. Налицо был закат рабовладельческого строя.

Зарубежные историографы, напротив, уделяли больше внимания именно исследованию вопросов характера политической власти. Общий интерес для советских и зарубежных ученых представляли собой вопросы взаимодействия государства и власти, а также термин «цезарепапизм» и его суть. Так, М.В. Левченко [22] указывает на неправильность употребления значения данного термина для описания характеристики взаимоотношения между государством и церковью. В ходе исследований автор произвел умозаключение о том, что в Византии нельзя отождествлять церковь и государство, также как нельзя говорить о главенстве монарха относительно церкви, потому что власть монарха не была уж столь абсолютной, как то было, например, в Российском государстве. В Византии монарх должен был советоваться и учитывать мнение политически влиятельных войск, сенаторского сословия, церкви и иных заинтересованных и влиятельных лиц, оказывающих влияние на политический вектор развития государства и проявляющих поддержку власти монарха. Естественно, все вышеназванные силы боролись за возможность оказания наибольшего влияния на монарха, о чем свидетельствует, по исследованиям автора, характер имущественных отношений, в котором автор рассуждений видит источник власти в различных группах господствующих классов государства.

К выводу о заблуждениях относительно значения термина «цезарепапизм» пришел также и Х. Хангер [7]. Он утверждает, что данный термин вообще нецелесообразно применять к правовой реальности Византии. Более того, характер взаимоотношения государства и церкви необходимо воспринимать как исторически естественное развитие правоотношений в обществе. Исследователи А. Пападакис [10] и А.П. Каждан [19] также отрицают возможность целесообразности применения термина «цезарепапизм». Если проанализировать характер взаимоотношения церкви и светской власти иных европейских стран, то можно обнаружить аналогичное вмешательство со

сторны государства в дела церковные, и наоборот. На протяжении всей истории не только византийского государства, но и иных стран Европы менялось соотношение распределения доли давления церкви на государственную политику или же в обратную сторону, но неизменным оставалось их тесное партнерство.

Таким образом, на сегодняшний день термин «цезарепапизм» повсеместно исключен из оборотов, характеризующих партнерство церкви и государственной власти в Византийском государстве как отечественными, так и зарубежными историками и правоведами.

Дискуссионным вопросом же продолжает оставаться характер и объем властных полномочий, которыми обладал император, методы правления и степень ограничения его власти. Множественность суждений по данному вопросу обусловлена различиями в интерпретации степени преемственности в Византии римских государственных институтов и римского правового наследия в целом, о чем мы уже упомянули ранее в данной работе. Имеют место быть две диаметрально противоположные точки зрения. Сторонники первого направления говорят о достаточно сильном ограничении императорской власти со стороны приближенных чиновников и знати, в то время как иная точка зрения говорит, напротив, о безграничной и деспотичной власти монарха.

Таким образом, согласно первой концепции развития, государство ранней Византии считается преемницей Римской империи и, следовательно, закономерным этапом дальнейшего развития римской государственности, основы которой были заложены со времен эпохи принципата. При таком подходе общество не подвергается каким-либо радикальным изменениям. Приверженцы данной концепции называют Византию также «поздней Римской империей», или «империей Рима в христианской форме» [3]. Однако на сегодняшний день наиболее убедительной представляется вторая концепция, согласно которой власть императора была ограничена рядом материальных и идеологических факторов, включая церковное влияние на принятие решений по политическим государственным вопросам. К тому же, ряд исторических фактов, по мнению Л. Брейне [2], позволяют сделать выводы о достаточно тесном общении между императором и его народом, что позволяло избежать большого количества конфликтных ситуаций или разрешить их компромиссным путем [2], а наиболее важные вопросы государства обсуждались и разрешались коллегиально. Следовательно, можно заключить, что Византия была демократическим правовым государством. Однако Д. Закифинос демонстрирует иной характер умозаключений, основанных на самостоятельно проведенных исследованиях. Так, по его мнению, Византия была чрезвычайно бюрократизированной страной с устоявшимися правилами еще «времен Птолемея и Римской империи» [2].

Знаменитый историк-правовед В. Энслин [4], занимавшийся глубоким анализом государственных институтов ранней Византии, уверен, что законы, граждане и церковь в своей совокупности являлись сильным фактором, сдерживающим произвол императора. К аналогичным выводам по итогам проведенного исследования приходит и Х. Хангер [7], одновременно делая акцент на том факте, что в Византии император выбирался Сенатом, т.е. власть не переходила по наследству [15]. Кроме того, император должен был демонстрировать высокие моральные и нравственные стандарты в соответствии с христианскими заповедями, за чем пристально следили представители церкви, и которым должны были подражать его подданные. Император имел обязанности быть «филантропом, благотворителем и гуманистом» [25].

Совершенно иным образом трактовалось подобное положение императора русскими учеными. Так, М.В. Левченко [23] делал акцент на том, что отсутствие престолонаследия и одновременное наличие института «коллегиального правления», местничество и необходимость следования «общепринятым традициям» делало положение императора уязвимым. Поэтому он должен был окружать себя поддержкой крупных землевладельцев, чьи интересы он, естественно, был вынужден

поддерживать. Однако В. Эннслин [4] имеет иной взгляд на подобную организацию политической власти, называя бюрократический аппарат «связующим звеном» между императором и его подданными. Все же, мы не согласны с подобным суждением, потому как во все времена – от древности и до наших дней – бюрократический аппарат удовлетворял интересы правящей элиты, но никак не способствовал донесению нужд подчиненных до кабинета императора.

Зарубежный исследователь И. Караяннопулос [8] подчеркивает важность централизованного управления государством, поскольку «сильная центральная власть оказалась спасительной в сложной политической обстановке того времени», иначе «государство, находящееся в свободном развитии, просто погибло бы».

Не стоит забывать о том, что Византия была рабовладельческим государством, и при всей демократизации общества все же нельзя было избежать некоторого ограничения гражданских свобод, взаимный контроль государства над духовной сферой жизнедеятельности своих граждан и одновременный контроль со стороны церкви за делами государственными [11]. Все же, подобный неустанный взаимный контроль не переходил черты деспотии, о чем говорят исследователи А. Зиглер [14] и Д. Закифинос [13]. По нашему мнению, подобный взаимоконтроль, наоборот, способствовал сохранению порядка и обеспечению соблюдения утвержденных законов в государстве. Подобный вид контроля возможно отождествить с сегодняшним разделением власти на три обособленных ветви с одновременным обеспечением контроля каждой ветви над остальными.

Интересным представляется исследование, проведенное Р. МакМалленом [9], который применил теорию Т. Парсонса, рассматривая власть через призму взаимодействия политических субъектов. О ранней Византии МакМаллен уже говорил как о деградирующем обществе, потому как в нем проглядывают явные тенденции потери контроля со стороны центральной власти над провинциальными органами управления, а также жажда удовлетворить зная свои интересы даже в ущерб государству. Автор приводит статистические сведения, в которых более 10 тыс. чел. указываются чиновниками, которым делегированы властные полномочия. Чрезвычайно разросшийся бюрократический аппарат существенно уменьшал долю власти императора в государстве. Также ощутимый вред причинялся непоследовательностью государственной политики, которая была весьма непредсказуема и хаотична. Однако А.П. Дьяконов [17], напротив, говорит о сильном влиянии народа на императора и даже приводит примеры прямого обращения народа с вопросами к императору, который разрешает их проблемы и постоянно расширяет права подданных. Аналогичные выводы делает А.А. Чекалова [26] после проведения многочисленных работ по ранней Византии. Она отмечает, что в эпоху своего правления Юстиниан предпринял решительные действия для того, чтобы поставить под контроль «все без исключения сферы деятельности горожан» [26]. Юстиниан стремился к «внутренней консолидации государства и сильной единоличной власти» [26], но подобные радикальные меры привели к серьезному восстанию, которое едва не лишило императора жизни и престола. После подобных примеров А.А. Чекалова делает вывод о том, что народ в ранней Византии действительно являлся «реальной конституционной силой и обладал правом принимать участие в разрешении важнейших политических вопросов путем просьб, восхваления или порицания» [26]. Более поздние записи свидетельствуют о том, что в тяжелых ситуациях император даже обращался за советом и помощью к народу [18].

Все рассмотренные выше выводы и заключения относительно вектора развития ранней Византии сделаны авторами исходя из анализа какой-либо одной сферы жизнедеятельности византийского государства, т.е. однобоко. Для того, чтобы получить целостное представление о положении дел и векторе развития ранней Византии, необходимо рассматривать работы общего характера, например, труд Г.Л.

Курбатова «История Византии» [20]. Складывая общую картину происходивших в Византии процессов, можно увидеть, что ранняя Византия соответствует среднестатистическому Европейскому государству того периода с некоторым перекосом в сторону деспотии [24]. Не лишено данное государство и вмешательств со стороны церкви в политику и наоборот, что также не чуждо иным европейским государствам. Также присутствует и приближенное чиновничество, которое склоняет императора действовать в своих интересах.

Литература

1. An Introduction to East Rome Civilization / Ed. by N.H. Baynes, W. Moss. Oxford, 1948. P. XXV.
2. Brehier L. Le monde Byzantin. Т. II. Les institution de l'empireByzantin.P., 1949. P. 1-8, 154-168, 580-582.
3. Charanis P. On the Social Structure of the Later Roman Empire // Byzantion. V. XVII, 1944-1945. P. 40-47.
4. Ensslin W. Der Kaiser in der substantive // HistorischeZietschrift. Bd. 177. H. 3. 1954. S. 450-467.
5. Fallmerayer J. Fragmenteaus Orient. Bd. I-II. Stuttgart; Tubingen, 1845.
6. Farina R. Cesarepapisme // Dictionary encyclopedique du christianismeancien. Bruxelles, 1990. P. 454-455.
7. Hunger H. State and Society in Bizantium // Proceedings of the Royal Irish Academy. V. 82. С. № 8.Dublin, 1982. P. 197-209.
8. Karayannopulos J. DerFruhByzantinische Kaiser // ByzantinischeZeitschrift. Bd. 49. H. 2. S. 369-384.
9. MacMullen R. Corruption and the decline of Rome. NewHaven; L., 1988. P. 170-172.
10. Papadakis A., Kazdan A.P. Caesarepapism // Byzantium. V. I. Oxford, 1991. P. 364-365.
11. The Cambridge Medieval History. V. IV, The Byzantine Empire. P. II. Goverment, Church and Civilization. Cambridge, 1968. P. 1-6.
12. Wolf H. Corpus HistoriaeByzantinae. Münch., 1984.
13. Zakythinos D. Byzance: Etat-Sociate-Economie. L., 1973. P. 669-678.
14. Zigler A.W. Die by zantinische Religions politik und der Cesarepapismus // MunchenerBeitragezurSlavenkund. Munchen, F. 97. 1953. S. 669-678.
15. Ангелов Д. История на Византия. Ч. I. София, 1954. С. 50-52.
16. Гиббон Э. История упадка и гибели Римской империи. – Москва, 1995.
17. Дьяконов А.П. Византийские димы и факции в V – VII вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 170-175.
18. Иванов С.А. Византийское юродство. - Москва: Международные отношения, 1994. 234 с.
19. Каждан А.П., Литаврин Г.Г., Удальцова З.В. Византия и Запад в современной буржуазной историографии // Против фальсификации истории. – Москва, 1959. С. 381-447.
20. Курбатов Г.Л. История Византии: Историография. Л., 1975. С. 17 - 18.
21. Курбатов Г.Л., Лебедев Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986. С. 109, 130-135.
22. Левченко М.В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V – VI вв. // Византийский сборник. – Москва; Л., 1945. С. 12-94.
23. Левченко М.В. Церковные имущества в V–VII вв. в Восточно-Римской империи // Византийский временник. Т. 2. 1949. С. 11-59.

24. *Медведев И.П.* Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. / Под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. Л., 1990. С. 7-39.
25. *Чекалова А.А.* Власть и общество в ранней Византии: Автореф. докт. дисс. – Москва, 1994. С. 18-20.
26. *Чекалова А.А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. – Москва, 1986. С. 135-137.